

ОДИН ГОЛОС.
ДВА МИРА.
ТЫСЯЧА ТАЙН.

04A

04A

Голос ПО СМЕНЕ

Иногда
самый страшный
враг — это то,
что ты готов
спасти.

ДЕЛО

Ночной приём

Алексей Петровка

Голос по смене

«Автор»

2026

Петровка А.

Голос по смене / А. Петровка — «Автор», 2026 — (Ночной приём)

Ирина — диспетчер скорой. Три года каждую ночь она слушает один и тот же голос на волне 04А — водитель ритуальной службы Костя. Они ни разу не встретились. Но когда её задерживают за подделку документов, Костя бросает свой рейс, чтобы забрать её из участка. Теперь Ире грозит тюрьма из-за справки, которую она украла, чтобы спасти брата. Костя готов взять вину на себя — но знает ли он, что именно она скрывает? И почему его голос, который она слушает каждую ночь, становится для неё опаснее любого признания?

Содержание

Голос на волне 04А	5
Помятый архив	13
Списанный отец	18
Допрос в участке	27
Фальшивый адрес	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Петровка

Голос по смене

Голос на волне 04А

— Вызов на Тихвинскую, двадцать третий дом, — Ира снимает наушник, трёт запястье.
— Стас, оформи.

Стас крутится на стуле, скрип резины о линолеум. Он уже час крутится, как заведённый.

— Там бабка с давлением, — говорит он, не глядя в монитор. — Сто двадцать на восемьдесят, жалуется, что голова кружится.

— Оформи.

Ира смотрит на экран. Смена только началась, а в очереди уже семь вызовов. Серый свет монитора режет глаза. Она ставит чашку с остывшим кофе на край стола и накрывает её ладонью, будто греет. Кофе давно не греет — он просто стоит, и от него пахнет горечью, смешанной с запахом дезинфекции, въевшимся в стены. Его не выветришь форточкой. Но форточка открыта, и через щель тянет холодом, мокрым снегом, городом — тяжелым, сырым, как мокрая тряпка, брошенная у входа.

— Ира, — Стас перестаёт крутиться. — А почему у тебя на запястье ничего нет?..

Она убирает руку.

— Были часы.

— И где?

— Оформи.

Стас смотрит на неё. Он молодой, с гладким лицом, и ещё не научился не задавать вопросов. Она знает этот взгляд — через три месяца он перестанет. Через три месяца он станет как все, будет кивать и молчать. Через три месяца он тоже научится смотреть сквозь людей, не задерживаясь на их запястьях.

— Ну и зря, — говорит он. — Я бы свои не снял. Даже ночью.

Ира ничего не отвечает. Она снимает трубку внутренней связи и называет номер бригады. На том конце что-то бормочут, скрипит койка — водитель проснулся.

— Четвёртый, Тихвинская, двадцать три, — говорит она. — Давление, пожилая.

— Принято.

Щелчок. Стас снова крутится.

— Когда смена закончится? — спрашивает он.

Ира смотрит на часы на мониторе. Двадцать три ноль две.

— Через восемь часов пятьдесят восемь минут.

— Спасибо, — говорит Стас. — Теперь я точно не усну.

Она не отвечает. С того ноября она не улыбается. В тот день она вернулась домой, разобрав сумку, повесила куртку на плечики — аккуратно, как учил брат, — и села у окна. С тех пор уголки губ у неё опущены, даже когда она отвечает на вызовы. Стас об этом не знает. Никто не знает. Ира и сама почти не помнит, как это — улыбаться. Она помнит, как брат смеялся, когда чинил её велосипед, помнит, как он говорил: «Ирка, ты у меня математик, а не лирик. Лирики улыбаются, математики считают». Она считает. Она считает секунды до конца смены, считает вызовы, считает пульс у тех, кто звонит. Она не улыбается — это не входит в её расчёты.

На пульте вспыхивает сигнал. Ира протягивает руку прежде, чем успевает подумать, — пальцы уже давно живут отдельно от головы. В динамике треск, потом скрип.

— Скорая, слушаю.

Тишина. Потом голос — низкий, с хрипотцой, будто человек спит на ходу:

— Ноль четыре А.

Ира смотрит на экран. Строка вызова пустая — ни адреса, ни имени, ни времени. Только мигающий курсор.

— Повторите код.

— Ноль четыре А. Ты слышишь.

— Вызов не оформлен, — говорит она. — Назовите адрес.

— Записывай. Мне нужно встретиться с тобой.

Ира смотрит на пульт. Пальцы её лежат на клавиатуре, но не двигаются. Она слышит, как в динамике шумит мотор — низкий, грузовой, будто кто-то держит телефон у окна кабины. Кто-то ездит ночью по городу, мотает смену за сменой.

— С кем? — спрашивает она.

— Ты узнаешь. Когда услышишь.

— Я не узнаю, если вы не назовёте имя.

Щелчок. Связь отключается.

Ира смотрит на экран. Курсор мигает в пустой строке. Потом, через секунду, в графе «код» появляется что-то. Четыре символа.

04А.

Её палец касается клавиатуры. Она хочет удалить запись — отменить, забыть, переписать. Но Стас за её спиной произносит:

— А что это за код? У нас нет такого.

Ира смотрит на экран. Вызов значится как «04А», хотя такого кода нет в справочнике. Она листает справочник — триста двадцать кодов, от «01» до «09», от «10» до «99», от «100» до «999». Нет «04А». Она проверяет дважды. Потом в третий раз, будто от этого что-то изменится.

Она пишет в графе примечание: «не идентифицирован». Пальцы на клавиатуре дрожат. Она сжимает их в кулак, потом разжимает. На экране буквы пляшут — «не идентифицирован» превращается в «не иденти». Она стирает и пишет заново, медленно, по буквам.

Стас снова скрипит.

— Ну и что это было? — спрашивает он.

— Сбой.

— Ага. И что, часто бывает?

— Бывает.

— Ни разу не видел.

— Начнёшь видеть.

Ира выключает монитор. Чёрный экран отражает её лицо — бледное, с тенями под глазами. Она смотрит на отражение и не узнаёт себя. С ноября она почти не смотрится в зеркала. Она знает, что там — женщина с опущенными уголками губ, с пустым запястьем, с чашкой кофе, которую она не пьёт.

Через двадцать минут — снова сигнал. Тот же низкий голос, та же хрипотца. Теперь она ждёт его, и это хуже всего.

— Ты одна? — спрашивает он.

— Кто это?

— Убери стажёра.

Ира смотрит на Стаса. Он сидит в углу, листает телефон, что-то переписывает. На экране его телефона вспыхивает уведомление — она видит краем глаза, какая-то игра, цветные шарики. От них режет глаза.

— Стас, — говорит она. — Сходи за кофе.

— Но у тебя же есть.

— Этот остыл.

Стас смотрит на её чашку, потом на неё. Он не задаёт вопросов — он уже чему-то научился. Он берёт куртку со спинки стула, накидывает на плечи и идёт к двери. Его шаги стучат по линолеуму — ровно, без спешки. Дверь закрывается. Скрип стула затихает в коридоре.

— Говорите, — говорит Ира.

— Ты одна, — говорит голос. Не спрашивает. Утверждает.

— Что вам нужно?

— Документы. Из архива.

Ира сжимает трубку. Архив закрыт после полуночи. Архив закрыт всегда, если нет подтверждения. Об этом знают все, кто работает на станции. Об этом знают даже те, кто не работает — это написано на двери, белой краской по металлу: «Доступ ограничен».

— Архив не работает, — говорит она.

— Ты можешь открыть.

— Не могу.

— Можешь. Ключ у дежурной смены.

Ира молчит. Она смотрит на свои руки — на пустое запястье, на чашку с остывшим кофе, на клавиатуру, где буквы «О» и «Л» стёрлись от пальцев. Она думает: как он знает про ключ? Как он знает про дежурную смену? Ключ от архива хранится в сейфе, код от сейфа знают два человека — старший диспетчер и заведующий станцией. Она не знает кода. Она даже не знает, как выглядит ключ — она видела его один раз, в руках заведующего, когда тот открывал архив, чтобы сдать старые отчёты.

— Вы кто? — спрашивает она.

Тишина. Потом шум мотора — низкий, грузовой. Двигатель глохнет на полсекунды. Потом заводится снова. Ира слышит, как кто-то вздыхает — тяжело, будто поднимает груз.

— Ты знаешь, кто я, — говорит голос. — Ты просто не хочешь вспоминать.

— Я не знаю вас.

— Врёшь.

Ира смотрит на пульт. Второй сигнал — Московская, тридцать четыре, открытый перелом. Строка мигает красным. Она должна взять трубку. Она должна ответить. Но пальцы её лежат на клавиатуре, и она смотрит на буквы, которые не складываются в слова.

— Есть вызов на Московской, — говорит она. — Я должна ответить.

— Не должна.

— Должна.

Она смотрит на пульт. Второй сигнал — Московская, тридцать четыре, открытый перелом. Она должна взять трубку. Она должна сделать свою работу. Она делает свою работу уже три года — три года, триста шестьдесят пять дней в году, двадцать четыре часа в сутки, восемь часов за смену. Она не пропустила ни одного вызова. Ни одного. Даже когда у неё была температура. Даже когда она сломала палец на правой руке и печатала левой. Даже когда брат звонил ей в середине смены и говорил: «Ирка, я попал в аварию».

Её рука тянется к трубке. Пальцы немеют, будто ударило током, ладонь покрывается испариной. Она не понимает, что заставляет её, но знает: этого делать нельзя. Холод ползёт от запястья к локтю, и она отдёргивает руку.

— Ты знаешь, — говорит голос. — Про аварию.

Ира замирает.

— Про ноябрь.

Её пальцы касаются трубки. Она не поднимает её. Она слушает голос, который говорит ей то, чего никто не знает.

— Твой брат был там, — говорит голос. — Но он не был за рулём.

Ира молчит. Она смотрит на свои руки. На запястье, где были часы. На чашку с кофе, который остыл. На буквы «О» и «Л», стёршиеся от пальцев.

— Неправда, — говорит она.

— Проверь архив.

— Архив закрыт.

— Открой.

Пульт мигает. Московская, тридцать четыре. Московская, тридцать четыре. Московская.

Ира смотрит на экран. Она должна ответить. Она не может не ответить. Она уже пропустила двенадцать секунд — двенадцать секунд, за которые человек мог умереть. Она считает: тринадцать секунд. Четырнадцать. Пятнадцать.

Она снимает трубку.

— Третий вызов, Московская, тридцать четыре, — говорит она. — Открытый перелом.

— Принято, — говорит голос диспетчера на том конце.

Ира опускает трубку.

Она смотрит на пульт, на мигающий курсор, на строку вызова.

04А.

— Ты ещё здесь? — спрашивает она.

Тишина.

Она не знает, сколько проходит. Может, минута. Может, две. Потом динамик оживает, но голос другой — прерывистый, захлёбывающийся:

— Моя сестра! Ей плохо! Тринадцатая!

Ира щёлкает на новую строку.

— Адрес, возраст, что случилось?

— Не дышит! Она не дышит!

Голос срывается на крик. Ира слышит на фоне чьи-то руки — хлопки, шум, дыхание.

— Назовите адрес, — говорит она.

— Я не знаю! Я не знаю адрес! Я у сестры!

Ира смотрит на экран. Номер абонента высветился автоматически. Она знает этот район — спальный, тридцать минут езды, ночь, гололёд.

— Ваше имя? — спрашивает она.

— Неважно! Ей плохо!

— Вызовите скорую, — говорит она. — Я переведу вас на бригаду.

— Вы — скорая!

Ира молчит. Она понимает, что он прав. Она — скорая. Она — голос на том конце провода, который должен решить, кто получит помощь. Она смотрит на строку «04А» в журнале. Она думает о том, что голос с хрипотцой ждёт её ответа. Она думает о том, что он сказал про ноябрь.

Потом она смотрит на вторую строку — «тринадцатая», — и набирает номер ближайшей бригады.

— Четвёртый, тринадцатая, срочно.

— Принято.

Она смотрит, как вызов уходит. Как время на экране бежит — 23:37. Она переводит дыхание. Глоток не проходит — во рту сухо, будто она час не пила. Она тянется к стакану воды, но тот пуст. Она ставит его обратно.

В наушнике снова шорох. Тот голос, низкий, возвращается, будто он никогда не уходил:

— Ты ответила не на тот вызов.

Ира сжимает трубку.

— Я ответила на тот, который был нужен.

— Но не тот, который важнее.

Щелчок. Голос исчезает.

Ира смотрит на экран. Строка «тринадцатой» погасла — бригада приняла вызов. Строка «04А» всё ещё мигает, не отменённая. Она смотрит на неё и не понимает, почему не нажимает «отменить». Это было бы просто. Один щелчок — и нет записи. Один щелчок — и нет голоса. Один щелчок — и можно забыть про ноябрь, про аварию, про то, что брат не был за рулём.

Она не нажимает.

Она трёт запястье. Кожа под пальцами гладкая — от часов осталась светлая полоска, которая не загорает уже полгода. Она проводит по ней пальцем, будто проверяет, на месте ли. Часов нет. Полоска есть.

Стас возвращается с кофе — двумя стаканами, один протягивает ей.

— Ты не спала? — спрашивает он.

— Я работала.

— Ага. Ну и что это было?

— Что?

— Вызов какой-то странный. Код не тот.

Ира смотрит на него. Он держит свой кофе, не пьёт, ждёт ответа. Глаза у него молодые, любопытные — ещё не выцветшие, не научившиеся смотреть сквозь.

— Сбой, — говорит она.

— Ага. И часто у вас сбой?

— Начнёшь видеть.

Стас смотрит на неё. Он хочет спросить ещё что-то — она видит это по его губам, которые уже приоткрылись. Но он не спрашивает. Он делает глоток кофе и морщится — обжёгся. Ира берёт свой стакан и не пьёт. Она держит его в ладонях, греет руки.

За окном — мокрый снег. Он падает на подоконник, тает, стекает по стеклу. Ира смотрит на снег и думает о брате. О том, как он говорил: «Ирка, снег — это вода, которая замерзла. Всё просто». Она думает о том, что он был на той дороге. О том, что он не был за рулём. О том, что она не знает, кто был за рулём. Она думает о том, что не хочет знать.

Пульт мигает. Новый вызов — Ленинградская, сорок один, ребёнок с температурой. Она снимает трубку.

— Третий вызов, Ленинградская, сорок один, — говорит она. — Ребёнок, температура.

— Принято.

Щелчок. Она смотрит на экран. Строка «04А» всё ещё мигает. Она не нажимает «отменить». Она не нажимает «принять». Она не нажимает ничего.

— Стас, — говорит она.

— М?

— Если я попрошу тебя кое-что проверить — ты сможешь?

Он смотрит на неё. Глаза у него становятся серьёзными, даже старше.

— Что проверить?

— Архив. Там есть дело за ноябрь. Про аварию.

Стас молчит. Он смотрит на неё, потом на пульт, потом на пульт. Он не спрашивает, зачем ей это. Он говорит:

— Ключ у дежурной смены.

— Я знаю.

— Но это после полуночи нельзя.

— Я знаю.

— Тогда как?

Ира смотрит на экран. Час — 23:52. До полуночи восемь минут. Архив закрыт после полуночи. Архив закрыт всегда, если нет подтверждения. Но подтверждение можно получить. Подтверждение — это подпись заведующего. Заведующий ушёл в двадцать два ноль ноль.

— Никак, — говорит она.

Стас смотрит на неё. Он хочет сказать что-то ещё — она видит это по его пальцам, которые барабают по стакану. Но он молчит. Он делает глоток кофе. Он смотрит на снег за окном.

В 23:42 вызов снимается сам. Ира смотрит на экран: вызов снят, но в графе «абонент» — пусто. Она смотрит на эту строку — пустую, белую, как снег за окном. Она думает о том, что голос с хрипотцой знает то, чего никто не знает. Она думает о том, что он сказал про брата. Она думает о том, что архив стоит в коридоре, за дверью с белой надписью, и что ключ от него висит в сейфе, и что она не знает кода.

Она смотрит на свои руки. На пустое запястье. На чашку с остывшим кофе. Она думает о том, что брат носил часы — большие, мужские, с потёртым ремешком. Он говорил: «Ирка, часы — это время, которое ты носишь на руке. Если не носишь — значит, ты не живёшь». Она сняла свои часы в тот день, когда его не стало. Она положила их в коробку и убрала в шкаф. Она не носит часы. Она не живёт. Она — голос на том конце провода, который должен решить, кто получит помощь.

Стас допивает кофе и ставит стакан на стол.

— Ира, — говорит он.

— М?

— Ты в порядке?

Она смотрит на него. Он молодой, с гладким лицом, и он ещё не научился не задавать вопросов. Она хочет сказать ему правду. Она хочет сказать ему, что не в порядке. Что голос с хрипотцой звонит ей второй раз за смену. Что код «04А» не значится в справочнике. Что она сняла часы в тот день, когда брат умер, и не надела их с тех пор.

Она говорит:

— В порядке.

Стас смотрит на неё. Он кивает. Он не верит — она видит это по его глазам. Но он не настаивает. Он учится.

Ира смотрит на пульт. Строка «04А» мигает. Она нажимает «отменить». Запись исчезает с экрана. Но в журнале остаётся строчка — «04А, абонент не идентифицирован». Она не может стереть её. Она не может отменить то, что слышала.

Она смотрит на часы на мониторе. 23:58. До конца смены семь часов пятьдесят шесть минут. Она считает секунды.

В 23:59 её личный телефон вибрирует. Один сигнал — код 04А. Она смотрит на экран телефона, потом на пульт. На пульте строка вызова всё ещё мигает, будто ждёт её решения. Она не нажимает «принять». Она не нажимает «отклонить». Она держит телефон в руке и смотрит, как экран гаснет.

Стас смотрит на неё. Он видит телефон в её руке. Он видит, как она смотрит на него, будто на змею. Он говорит:

— Ира?

Она не отвечает. Она смотрит на телефон. На экране — уведомление. Одно слово.

«Вспомни».

Она поднимает глаза. Стас смотрит на неё. За окном — мокрый снег. Она смотрит на снег, и через секунду телефон вибрирует снова. Один сигнал. Код 04А. Она не нажимает «принять». Она держит телефон в руке и смотрит, как экран гаснет, а потом загорается снова — и на нём появляется сообщение. От неизвестного номера. Короткое, из двух слов.

«Вспомни ноябрь».

Ира смотрит на экран. Пальцы её лежат на клавиатуре. Она не нажимает ничего. Она смотрит на слово «ноябрь» и чувствует, как холод поднимается от шеи к ушам, к затылку. Она сглатывает, но во рту сухо, и глоток не проходит. Она смотрит на телефон и не нажимает «удалить». Она не нажимает «заблокировать». Она не нажимает ничего.

Стас смотрит на неё. Он видит, как она побледнела. Он видит, как она держит телефон, будто он может взорваться. Он хочет спросить, что случилось — она видит это по его губам, которые уже приоткрылись. Но он не спрашивает. Он молчит. Он учится.

Ира смотрит на телефон. На экране — одно слово. «Вспомни». Она перечитывает его. Потом ещё раз. Потом ещё. Она не вспоминает. Она не хочет вспоминать. Она смотрит на пустое запястье и думает о часах. О больших, мужских, с потёртым ремешком. О том, как брат надевал их каждое утро, как поправлял ремешок, как говорил: «Ирка, время — это самое главное. Не опаздывай».

Она не опоздала. Она сняла часы в тот день, когда он умер. Она не надела их с тех пор. Она не носит время на руке. Она носит его в голове — секунды, минуты, часы, смены. Она считает. Она считает каждую секунду, которую не могла вернуть.

Пульт мигает. Новый вызов — Невский проспект, пять, мужчина жалуется на боль в груди. Ира снимает трубку.

— Третий вызов, Невский, пять, — говорит она. — Боль в груди, мужчина.

— Принято.

Щелчок. Она смотрит на телефон. Экран погас. Она кладёт его на стол, рядом с чашкой остывшего кофе. Она не убирает его. Она оставляет его там, где может видеть.

Стас смотрит на неё. Он видит телефон. Он видит чашку. Он видит её руки, которые лежат на клавиатуре, но не двигаются. Он хочет сказать что-то — она видит это по его пальцам, которые теребят край стакана. Но он молчит.

В 00:02 телефон вибрирует снова. Один сигнал. Код 04А. Ира смотрит на экран. На нём — новое сообщение. От неизвестного номера. Три слова.

«Открой архив».

Она смотрит на сообщение. Потом на пульт. Потом на дверь, за которой коридор, а в конце коридора — дверь с белой надписью «Архив». Ключ от неё висит в сейфе. Код от сейфа она не знает. Но она знает, где лежит запасной ключ. В кабинете заведующего, в ящике стола, под папкой с отчётами. Она видела, как он клал его туда, когда думал, что она не смотрит.

Она смотрит на телефон. Она смотрит на дверь. Она смотрит на свои руки. Пальцы её лежат на клавиатуре. Они не двигаются.

— Стас, — говорит она.

— М?

— Сходи домой.

Он смотрит на неё. Он хочет возразить — она видит это по его глазам, которые расширяются, по его губам, которые приоткрываются. Но он не говорит ничего. Он смотрит на неё, потом на телефон на её столе, потом на дверь. Он учится. Он берёт куртку, накидывает на плечи.

— Ты уверена? — спрашивает он.

— Да.

Он кивает. Он выходит. Дверь закрывается. Скрип его шагов затихает в коридоре.

Ира сидит одна. Перед ней — пульт, чашка остывшего кофе, телефон с сообщением. За окном — мокрый снег. Она смотрит на снег и думает о ноябре. Она думает о том, что брат был на той дороге. Она думает о том, что он не был за рулём. Она думает о том, что не знает, кто был за рулём.

Она смотрит на телефон. На экране — три слова. «Открой архив». Она смотрит на дверь. За ней — коридор. В конце коридора — дверь с белой надписью. Она смотрит на свои руки. Они не дрожат. Она берёт телефон и кладёт его в карман халата. Потом встаёт, выключает пульт и идёт к двери. Она не знает, что найдёт в архиве. Она не знает, почему идёт. Она знает только, что не может не идти.

В коридоре темно. Горелка на стене мигает — одна лампа из трёх перегорела. Она идёт на свет, к двери с белой надписью «Архив». Она останавливается перед ней. Она смотрит на надпись. Она протягивает руку и поворачивает ручку. Дверь не заперта.

Внутри — стеллажи, папки, пыль. Пахнет бумагой, старой, сухой, как осенние листья. Ира проходит вдоль стеллажей, читает ярлыки на корешках: «Январь», «Февраль», «Март». Она идёт к полке с надписью «Ноябрь». Она тянется к папке. Она открывает её.

Внутри — отчёты, бланки, протоколы. Она листает страницы. Она ищет аварию. Она находит её — на третьей странице, внизу, сухими канцелярскими цифрами. «ДТП, один погибший, один пострадавший». Она читает. Она читает имя погибшего. Она читает имя пострадавшего. Она перечитывает. Она смотрит на страницу, потом на свои руки, потом на пустое запястье.

Она не знает, как долго стоит там. Она слышит, как где-то в здании гудит вентиляция. Она слышит, как за окном шумит мокрый снег. Она слышит, как в кармане халата вибрирует телефон. Один сигнал. Код 04А.

Она не достаёт телефон. Она смотрит на страницу в своей руке. На ней — имя брата. И под ним — другое имя, которое она не знает. Она перечитывает его. Она смотрит на часы на стене. 00:14. Она смотрит на телефон. Экран горит. Новое сообщение. Четыре слова.

«Ты нашла его».

Она смотрит на экран. Потом на страницу. Потом снова на экран. Она не отвечает. Она не нажимает «удалить». Она не нажимает ничего. Она держит папку в руках и стоит в темноте, среди стеллажей, и за окном падает мокрый снег.

Помятый архив

— Найди двадцать вторую страницу, — сказал Костя, и Ира почувствовала, как холодеют пальцы.

Она стоит в архиве, где пахнет пылью и старыми бумагами, и держит в руках папку, которую не должна была брать. Если найдут — уволят. Если не найдёт то, что он просит, — Костя расскажет всем, что она сделала в ноябре. А она сама не помнит, что сделала.

— Я не могу, — шепчет она в трубку. — Здесь записи. Здесь моя подпись.

— Ира. — Голос Кости низкий, с хрипотцой, будто прокуренный насквозь. — Ты уже там. Ты уже взяла папку. Обратного пути нет.

— Ты послал меня сюда.

— Послал.

Сжимает телефон сильнее. Пальцы скользят по краю папки, нащупывают шершавый канцелярский уголок. Открывает. Страницы шуршат, как сухие листья — ломкие, готовые рассыпаться.

— Здесь написано, что Тиша не был за рулём, — говорит она.

— Открой дело.

— Я открыла.

— Открой до конца. Двадцать вторая страница.

Ира листает. Быстро, почти не глядя на номера. Останавливается на двадцать второй. Читает. Буквы выцветшие, некоторые стёрлись от пальцев — «О» и «Л» почти не видны.

— Здесь... — замолкает. Перечитывает строку. Ещё раз. — Здесь написано, что водитель был один. Нет пассажира. Но Тиша.

— Дальше.

Переворачивает. Двадцать третья страница. Акт осмотра. Читает и не понимает. Читает ещё раз и понимает слишком хорошо.

— Это не чья подпись? — Водит пальцем по размытым чернилам. — Кто-то замазал.

— Найди оригинал, — голос Кости почти шёпот. — В деле есть подложная страница. Мне сказали — она вшита где-то в середину. Найди её.

Ира смотрит на папку. Толстая. Страниц на восемьдесят. Где-то между ними — страница, которая может её убить. Или спасти. Она не знает, чего больше.

— Такое... — замолкает, глотает слово. — Такое дело не может быть подложным. Это архив. Всё проверяется.

— Проверяется. Только не теми, кто проверяет.

Слышит, как на том конце зажигается двигатель. Короткий щелчок — и гул. Костя завёл «Газель». Он всегда так делает, когда нервничает.

— Ты знаешь, что там за страница? — спрашивает она. — Ты знаешь, что она скрывает?

— Мне сказали, она есть. И что ты найдёшь её быстро, если захочешь.

— Откуда...

Замолкает. Палец замирает на краю страницы. Перечитывает номер сверху листа. Справка 04В-117/2. Не называла этот номер вслух. Вообще не произнесла его ни разу — увидела в первую секунду, когда открыла папку. До этого — в журнале, за три дня, но вслух — никогда.

— Костя.

— Ну?

— Откуда ты знаешь номер справки, которую я ещё не открыла?

Тишина в трубке. Потом — короткий смешок, почти неслышный, выдохнутый сквозь зубы.

— Потому что у меня есть свои. Открой двадцать четвёртую.

Во рту пересыхает. Пальцы дрожат, когда она переворачивает страницу. Буквы плывут. Щурится, приближает лист к лампе — той самой, что мигает в углу архива, — и читает. Через минуту понимает, что ей нужно сесть. Через две — что стул в архиве один, и он скрипит. Через три — сидит, сжимая папку, и смотрит на страницу, которую не должна была видеть.

На двадцать четвёртой странице — список вызовов за ночь аварии. Двадцать три пункта. Всё обычное: инфаркты, ДТП, передозировки. Но в пункте четырнадцать, напротив времени 23:47, стоит отметка: «Вызов отклонён диспетчером. Причина: ложный». В графе «Адрес» — тот самый, который знает наизусть, потому что снился ей каждую ночь после аварии. В графе «Заявитель» — одно слово.

Никто.

Ира смотрит на слово. Знает, что не писала его. Помнит, что в ту ночь приняла вызов. Помнит, что бригада выехала. Помнит, что они опоздали. Но не помнит, чтобы отклоняла.

— Костя, — говорит она. Голос срывается. — Здесь написано, что я отклонила вызов. Но я не отклоняла. Я помню. Я приняла его.

— А что помнишь ещё?

Молчит. Пальцы гладят край страницы. Бумага шершавая, холодная.

— Я помню голос. Он сказал: «Скорая, срочно». Я ответила: «Что случилось?» Он сказал: «Авария, Тихвин, поворот на карьер». Я сказала: «Принято, бригада выезжает». А он сказал: «Не надо. Я сам».

— И что ты сделала?

— Я не помню.

Слышит, как Костя выдыхает. Длинно, с шумом, будто держал воздух все эти минуты.

— Теперь слушай меня. У тебя есть семь минут, пока охранник не начал обход. Я не шучу.

— Откуда ты знаешь про обход?

— Ира. Семь минут. Найди страницу. Сделай то, что я скажу. Потом выходи через запасной выход.

Гудки.

Смотрит на телефон. Потом на папку. Потом на часы на стене. 00:17. Обход начинается в 00:30. Знает, потому что смена — её, и график охранника — её забота. Семь минут.

Слышит звук — резкий, металлический. Дверь архива. Кто-то вставляет ключ в замок.

Замирает. Папка — в руках. Телефон — в кармане. Лампочка мигает: раз, два, три. Между стеллажами — темнота, в которой можно спрятаться, если двигаться тихо.

Встаёт. Стул скрипит. Замирает. Замок поворачивается — щелчок, мягкий, но отчётливый. Скользит между стеллажами, прижимая папку к груди, и прячется в темноте. Сжимает пустое запястье левой рукой, будто может удержать себя на месте.

Дверь открывается. Свет фонаря скользит по полу, по коробкам, по стеллажам. Шаги. Тяжёлые. Резиновые подошвы. Охранник. Узнаёт его по запаху — табак и кофе. Он всегда дежурит по ночам.

Телефон вибрирует. Вынимает его, не дыша. Экран горит: «Он уже здесь. Не выходи до 00:23. Потом — запасной выход через кабинет 04А».

Смотрит на сообщение. Потом на часы. 00:19. Четыре минуты. Слышит, как охранник идёт к её стеллажу. Останавливается. Зевает.

— Ну, и кто тут? — говорит он себе под нос. — А, ладно, мыши.

Не дышит. Папка — против груди, бумага — холодная. Сжимает её сильнее. Слушает, как шаги удаляются. Слушает, как замок щёлкает — закрывает дверь снаружи.

Телефон вибрирует снова. Разблокирует. «04А — это не кабинет. Это код. Ты знаешь, что делать».

Смотрит на папку. На страницу. На пункт четырнадцать. На слово «Никто». Перечитывает последнее сообщение. Потом — первое, которое получила полчаса назад: «Вспомни ноябрь».

Смотрит на монитор в углу комнаты. Старый, пыльный, включённый в розетку с прошлой недели. Сама его включила, когда проверяла систему. Сама оставила работать. Знает, что экран гаснет через сорок секунд бездействия, но клавиатура помнит её руки.

Подходит к столу. Папку кладёт на край, не выпуская из пальцев. Другой рукой открывает базу. Вводит код. 04А.

Экран мигает. Загрузка. Слышит, как охранник за дверью переминается с ноги на ногу. Зевает. Говорит кому-то по рации: «Да всё тихо, сплю уже».

Открывает журнал вызовов. Ноябрь. Ночь аварии. 23:47. Пункт четырнадцать. Видит запись: «Вызов отклонён диспетчером. Причина: ложный». Видит своё имя. Видит своё время. Видит свой голос, который не помнит.

Рука замирает над клавиатурой. Она стирает запись.

Смотрит на пустую строку. Потом на папку. На страницу. На слово «Никто». Пальцы снова ложатся на клавиши. Открывает второе окно. Копирует файл. Сохраняет под именем «ноябрь_резерв».

Телефон вибрирует. Не глядя, нажимает «ответить».

— Ты сделала это? — голос Кости тихий, но в нём слышно что-то твёрдое, что она не узнаёт.

— Сделала.

— Стерла запись?

— Стерла.

Пауза. Слышит, как он выдыхает. Длинно, с шумом, будто держал воздух все эти минуты.

— Хорошо. — Голос меняется, становится мягче, но в нём всё ещё слышен металл. — Теперь выходи. Запасной выход через кабинет 04А. Там дверь ведёт в подсобку, а из подсобки — на улицу. Никто не увидит.

— Я знаю, где это.

— Ира. — Он замолкает. Слышно, как он трёт лицо ладонью. — Ты сделала правильно.

Она не отвечает. Смотрит на экран, где в углу мигает значок сохранённого файла. «ноябрь_резерв». Пальцы гладят край папки.

— Костя.

— Ну?

— Зачем тебе это? Зачем тебе запись, если её нужно стереть?

Тишина. Долгая. Шум мотора на том конце — он завёл двигатель.

— Есть вещи, которые должны исчезнуть, Ира. И есть вещи, которые должны быть сказаны. — Пауза. — Ты сделала правильно. Ты поняла меня?

Смотрит на экран. На значок файла. На пункт четырнадцать. На слово «Никто».

— Поняла.

— Выходи. Через пять минут я буду у запасного выхода.

Гудки.

Ира смотрит на телефон. Потом на экран. Потом на папку. Пальцы тянутся к клавиатуре. Открывает «ноябрь_резерв». Смотрит на запись, которую стёрла. На своё имя. На своё время. На свой голос, который не помнит.

Нажимает «сохранить как». Вводит новое имя: «04А_копия».

За дверью кашляет охранник. Сморгается. Зажигает сигарету. Слышно, как он трёт спичку о коробок. Треск — и запах серы пробивается сквозь щель.

Ира смотрит на монитор. На «04А_копия». На «ноябрь_резерв». Два файла. Один — для Кости. Другой — для неё.

Рука тянется к клавиатуре. Замирает.

Слышит, как охранник говорит по рации: «Да, на месте. Нет, тихо. Проверил уже. Да, заперто».

Смотрит на папку. На страницу. На пункт четырнадцать. На слово «Никто». На своё имя в списке.

Пальцы ложатся на клавиши. Открывает «04А_копия». Внутри — вся ночь. Все двадцать три пункта. Все отметки. Все подписи. Всё, что было до того, как она стёрла запись.

— Костя, — говорит она вслух. — Что ты скрываешь?

Ответа нет. Только шум мотора на том конце, который она не отключила. Слышит, как он дышит. Неровно. Сбивчиво.

— Ты ещё там? — спрашивает он.

— Здесь.

— Почему не выходишь?

Смотрит на экран. На файл. На слово «Никто». На своё имя.

— Скажи мне, что было в той ночи. Что ты знаешь.

— Ира.

— Скажи.

Тишина. Слышит, как он выключает двигатель. Щелчок зажигания — и тишина. Потом его голос — тихий, ровный, будто он говорит через силу:

— Я был там.

Ира сжимает телефон. Пальцы белеют. Смотрит на экран. На файл. На своё имя.

— Где?

— На повороте. В ту ночь. Я видел, как они выезжали. — Пауза. — Я видел, как Тиша сел за руль. И я видел, как он вышел.

— Что значит — вышел?

— Он не был в машине, когда она перевернулась. Он вышел до этого. Я видел.

Ира смотрит на папку. На страницу. На пункт четырнадцать. На слово «Никто». На своё имя.

— Тогда кто был за рулём?

Тишина. Долгая. Слышит, как он дышит. Неровно. Сбивчиво. Потом:

— Ты была права. Я послал тебя сюда не для того, чтобы ты стёрла запись.

Смотрит на экран. На файл. На своё имя.

— Я послал тебя, чтобы ты нашла её. И сохранила.

Пальцы замирают над клавиатурой. Смотрит на «04А_копия». На «ноябрь_резерв». На своё имя.

— Зачем?

— Потому что если ты стёрла запись — ты можешь уйти. Но если ты сохранила её — ты можешь вернуться.

Смотрит на дверь. На экран. На файл.

— Вернуться куда?

— В ту ночь. — Голос Кости срывается. — Я не могу жить с тем, что я видел. И не могу рассказать. Но ты можешь. Ты — диспетчер. Ты — голос. Ты можешь сказать то, что я не могу.

Смотрит на экран. На файл. На своё имя.

— Кто был за рулём?

— Ты не готова.

— Кто.

Тишина. Слышит, как он трёт лицо ладонью. Как дышит. Как говорит:

— Ты.

Ира смотрит на экран. На файл. На своё имя. На время в журнале. 23:47. На своё имя. На своё время. На свой голос, который не помнит.

— Я не была там.

— Ты была. Ты вышла с работы в 22:40. Ты взяла машину. Ты поехала на поворот. Ты была за рулём. — Пауза. — И ты вызвала скорую. Сама. Своего же номера.

Закрывает глаза. Вспоминает. Как в ту ночь взяла трубку. Как голос на том конце — с хрипотцой, с гулкостью, будто из пустого коридора, — сказал: «Скорая, срочно». Как ответила: «Что случилось?» Как он сказал: «Авария, Тихвин, поворот на карьер». Как сказала: «Принято, бригада выезжает». Как он сказал: «Не надо. Я сам».

Открывает глаза. Смотрит на экран. На файл. На своё имя.

— Это был я, — говорит Костя. — Я был тем голосом. Я звонил тебе. Я сказал «не надо». Потому что я видел, как ты вышла из машины. Как ты стояла над Тишей. Как ты плакала. И я не знал, что делать.

Ира смотрит на экран. На файл. На своё имя. Пальцы лежат на клавиатуре. Один файл — «04А_копия». Другой — «ноябрь_резерв». Один — для него. Другой — для неё.

Смотрит на дверь. На охранника. На монитор.

Ира сохранила оба файла, но, когда подняла глаза, дверь архива уже была открыта.

Списанный отец

Ира прячет флешку в карман куртки. Пальцы не слушаются — пуговица маленькая, скользкая, с острым краем. Она трет запястье. Там пусто. Эта пустота уже привычная, как шрам.

Телефон вибрирует. Экран вспыхивает — «04А».

— Ты сохранила, — говорит Костя. Не вопрос. Утверждение.

— Да.

— Хорошо.

Ира смотрит на дверь архива. Полоса света под ней — охранник в коридоре, его тень движется, перекрывает, возвращается. Свет мигает каждые тридцать секунд. Она считает про себя. Двадцать девять. Тридцать. Тень снова.

— Зачем ты преследуешь меня? — шепчет она в трубку.

Тишина. Потом дыхание — низкое, с хрипотцой, как у давно курящего. Она слышала этот голос по рации сотни раз. «На связи». Всегда «на связи».

— Я не преследую. Я жду.

— Чего?

— Когда ты вспомнишь.

Ира прижимается плечом к стеллажу. Металл холодный, сквозь халат. Пахнет бумагой, старой, сухой — и чем-то ещё, острым, как уксус. Она не знала, что архив пахнет уксусом. Теперь будет знать. Это останется с ней, как запах той ночи — мокрый асфальт, бензин, железо.

— Я ничего не забыла, — говорит она. — Я помню ту ночь.

— Ты помнишь, что делала ты. — Голос Кости срывается. — А ты помнишь, что делала не ты?

Она замирает.

— Что?

— Моя смена, — говорит он. — Первая после ноября. Я приехал на станцию, а на моей магнитоле — чужая кассета. Старая, с записью. Я думал, забыл кто-то из водителей. Выкинул.

Пауза. Ира слышит, как он дышит. Коротко, рвано, с присвистом.

— А потом я услышал голос. Тот самый. Скорую вызывали — я стоял у своей «Газели», и кто-то разговаривал по рации. Повторял слова. — Он замолкает. — Два последних слова. Всегда два последних слова.

Ира вдавливая ногти в ладонь. Боль приходит, но не помогает. Она всё ещё слышит себя — как сказала «принято, бригада выезжает». Принято. Бригада. Она повторила его слова? Она не помнит. Она вообще мало что помнит из той ночи. Обрывки. Свет фар. Тиша на асфальте. И голос — чужой, низкий, повторяющий «скорая, срочно».

— Я не понимаю, — говорит она.

— Ты повторяешь, — говорит Костя. — Когда стресс. Когда боишься. Ты не замечаешь, но ты повторяешь последние два слова собеседника. Так было и в ту ночь.

Она молчит. Пытается вспомнить. Пульт. Экран. Руки на клавиатуре. Она сидела за пультом, да. Она была диспетчером. Но что она делала потом? Какой-то провал. Белое пятно, будто стерли кусок плёнки.

— Я не помню, — говорит она. — Честно. Я не помню, что было после того, как я села за пульт.

— Ты отклонила вызов.

— Что?

— Ты отклонила вызов, — говорит Костя. — В ночь аварии. Я не знаю, как это работает, но я знаю, что ты сидела за пультом. Я знаю, что ты была диспетчером. И я знаю, что мой отец лежал в той машине. И что вызов не дошёл.

Она опускается на корточки, спиной к стеллажу. Пол холодный, плитка с острыми краями. Она вдавливая ладони в колени. Дышит. Потом ещё раз. Слова не складываются.

— Твой отец...

— Был водителем скорой, — говорит Костя. — Двадцать лет. Ночная смена, как и ты. Его списали. После той ночи. Он не получил помощь — он был свидетелем. У него случился инфаркт прямо на месте аварии. А когда его списали, он не выдержал. Сердце. Не выдержало сердце.

Ира молчит. В горле сухо, бумажная пыль оседает на губах. Она облизывает их, но суше не становится. Она слышит Тишу. Тот вечер. Он звонил ей, говорил, что задержится. Что приедет поздно. Что она не ждала. Она не ждала. Она сидела за пультом, и кто-то вызвал скорую. Она не помнит, кто. Не помнит, что ответила.

— Я видела тебя, — говорит она. — В ту ночь. Ты стоял у машины. У «Газели». Я думала, ты водитель.

— Я был водителем, — говорит Костя. — Ритуальной службы. Я приехал не на скорую. Я приехал на «Газели» с номером на брезенте. 04А. Это не номер скорой.

Ира закрывает глаза. В темноте — свет фар, разбитое стекло, мокрый асфальт. Она стоит над Тишей, он дышит, но не приходит в себя. И рядом — «Газель», тёмная, с пятном на плече водителя. Он смотрит на неё и видит. Видит, как она вытирает лицо. Видит, как трясутся её руки.

— Ты видел, — шепчет она. — Ты видел, как я вышла из машины.

— Видел.

— И ты не рассказал полиции.

— Не рассказал.

— Почему?

Костя молчит. Потом говорит — тихо, почти одними губами:

— Потому что я хотел понять. Сначала понять. А потом — решить.

Ира сжимает трубку. Дверь архива скрипит — охранник открывает, заглядывает, закрывает. Она не дышит. Свет полосит по полу, тает в темноте. Она ждёт. Тридцать секунд. Тень уходит.

— Ты хочешь, чтобы я заплатила за то, что сделала? — говорит она.

— Я хочу, чтобы ты признала, — говорит Костя. — Я хочу, чтобы ты помогла. У меня есть план.

— Какой план?

— Есть адрес. Есть человек, который знает, что случилось. Если ты поможешь — я вытащу нас обоих. Если нет — я сдам тебя полиции.

Ира смотрит на дверь. Охранник стоит за ней. Коридор узкий, бетонный, с лампой, которая мигает каждые тридцать секунд. Она знает этот коридор — она проходила по нему сто раз, когда заступала на смену. Она знает, где запасной выход. Она знает, что там не охраняется. Она знает, что это ловушка. И всё равно она встанет и пойдёт.

— Ты тоже участник, — говорит она. — Ты знал об аварии. Ты был на месте. Ты не вызвал скорую — ты сказал «не надо».

— Я сказал «не надо», потому что видел, что ты уже вызвала. — Голос Кости ломается. — А ты не вызвала. Ты сидела и молчала. Ты держала трубку и слушала, как я говорю «скорая, срочно», и ты сказала «принято, бригада выезжает». А бригада не выехала. Потому что ты не передала вызов.

Ира прижимает телефон к уху так сильно, что начинает болеть ухо. Она слышит собственное дыхание — короткое, частое, как у загнанной собаки. Она помнит этот звук. Она помнит, как сидела за пультом, и в трубке был голос — чужой, низкий, повторяющий «скорая, срочно». Она помнит, что хотела ответить. Что открыла рот. И что потом — пустота.

— Я не знала, — говорит она. — Я не помню.

— Ты помнишь, — говорит Костя. — Ты помнишь, потому что ты повторяешь. Сейчас, когда я говорю — ты повторяешь. «Я не знала, я не помню» — ты сказала «не помню» дважды. Ты не знала, что делаешь, но ты делала.

Ира смотрит на свои руки. Пальцы сжаты в кулак. Она разжимает их. На ладони — следы ногтей. Четыре полумесяца. Она считает их. Один. Два. Три. Четыре. Пятый — смазанный, почти незаметный.

— Расскажи, что было в ту ночь, — говорит она. — Ты видел. Расскажи.

Костя молчит. Потом говорит — медленно, будто вытаскивает каждое слово изнутри:

— Я ехал домой. Смена закончилась. Я был на выезде — частный заказ, поминки. Возвращался.

На трассе — авария. Легковая. Перевернутая. Я остановился. Вышел. Увидел парня — он лежал на асфальте, рядом с машиной. Не двигался. Я подошёл. Он дышал.

Я вызвал скорую. Услышал тебя. Ты сказала «принято, бригада выезжает». Я подумал — всё, помощь едет.

Потом подошла ты. Ты вышла из той машины. Ты стояла над парнем. Ты плакала. Я подумал — сестра. Или жена. Я не знал.

Ира сжимает телефон. Тиша. Её брат. Он лежал на асфальте, и она стояла над ним, и рядом стоял чужой человек — водитель ритуальной «Газели». Он видел, как она плачет. Он видел, как она вытирает лицо. Он видел, как она села в свою машину и уехала.

— Я уехала, — говорит она. — Я оставила его.

— Да.

— И ты не остановил меня.

Костя молчит. Потом говорит:

— Я не знал, что ты уезжаешь. Я думал, ты за помощью. Я стоял у своей «Газели» и ждал скорую. Я ждал её. Я слышал, как ты сказала «принято». Я думал — она едет. Она едет, и всё будет хорошо.

— А она не ехала.

— Не ехала.

Ира закрывает глаза. В темноте — голос из рации. Низкий, с хрипотцой. «Скорая, срочно». И её ответ. «Принято, бригада выезжает». Она помнит этот голос. Она помнит этот ответ. Она помнит, как положила трубку. И как потом — ничего. Пустота. Белое пятно.

— Я не помню, почему я не передала вызов, — говорит она. — Я не помню, что было после. Я помню только голос. И свой ответ. И потом — темнота.

— Я знаю, — говорит Костя. — Я знаю, что ты не помнишь. Но кто-то должен помнить. Тот, кто стёр запись. Тот, кто подделал документы. Тот, кто списал моего отца.

Ира открывает глаза. Охранник за дверью. Коридор пуст. Флешка в кармане. Копии файлов на ней — «04А_копия» и «ноябрь_резерв». Она сохранила оба. Она не знала зачем. Просто сохранила. Рука сама потянулась.

— Кто стёр запись? — говорит она.

— Я не знаю. Ты узнаешь.

— Как я узнаю?

— Ты — диспетчер. Ты знаешь, как хранятся записи. Ты знаешь, как их стереть. И ты уже стёрла одну.

Ира смотрит на экран телефона. На часах — 00:40. Она помнит это время. Она помнит, как сидела за пультом, и на часах было 00:40. И потом — пустота.

— Я не стирала запись, — говорит она.

— Ты её стёрла, — говорит Костя. — Я видел лог. Твой логин. Твой пароль. Твой компьютер. В 00:41.

Ира молчит. Она не помнит. Она не помнит, как вводила логин. Как открывала файл. Как нажимала «удалить». Она не помнит ничего после 00:40.

— Я не помню, — говорит она.

— Ты повторяешь.

— Я не помню.

Костя молчит. Потом говорит:

— Я знаю. Но это не значит, что этого не было.

Ира встаёт. Колени скрипят. Она поправляет халат. Смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты хочешь, чтобы я признала, — говорит она. — Я признаю. Я была там. Я не передала вызов. Я не знаю, почему. Я не помню, что я делала. Но я была там.

— Это не всё, — говорит Костя. — Я хочу, чтобы ты помогла мне найти того, кто подделал моего отца. Кто подделал документы. Кто стёр запись. Ты можешь это сделать. Ты — диспетчер. Ты знаешь, как хранятся записи. Ты знаешь, как их стереть. И ты уже стёрла одну.

Ира смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке. Она чувствует его — тонкий, ломкий, как осенний лист. Она сжимает его сильнее. Пластик нагрелся от пальцев.

— Расскажи мне про отца, — говорит она. — Расскажи всё. И я сделаю, как ты просишь. Тишина. Дыхание Кости — короткое, рваное, сдавленное, он на грани слёз.

— Он был хорошим, — говорит Костя. — Он не заслужил. Он не пил. Он не курил. Он работал. Он приносил домой кефир — каждую смену, как талисман. И в ту ночь он вёз кефир домой. Он не выезжал на вызов. Он был свидетелем. Он остановился, чтобы помочь.

Ира замирает.

— Он остановился?

— Он увидел аварию, — говорит Костя. — Он остановился, чтобы помочь. Он вызвал скорую. Он говорил по рации. Он сказал «скорая, срочно». И он услышал, как ты ответила. «Принято, бригада выезжает». А потом — эта запись. «Не надо. Я сам». Это был мой голос. Я сказал это. Я не знал, что он слышит. Я не знал, что он на связи.

Ира смотрит на дверь. Свет под ней — мигает. Охранник в коридоре. Она слышит, как он кашляет.

— Ты сказал «не надо», — говорит она. — Ты сказал это.

— Я сказал, потому что видел тебя, — говорит Костя. — Я видел, как ты стоишь над братом. Я видел, как ты плачешь. Я думал, ты вызвала скорую. Я не знал, что ты не вызвала. Я не знал, что мой отец слышит, как я говорю «не надо». Я не знал, что он потом скажет «я сам».

Ира закрывает глаза. В темноте — голоса. Свой — повторяющий слова. И голос отца — низкий, с хрипотцой, как у давно курящего. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он умер из-за меня, — говорит она.

— Он умер, потому что я сказал «не надо», — говорит Костя. — Мы оба виноваты. Мы оба в этой яме.

Ира открывает глаза. Смотрит на телефон. На часы. На дверь. На свои пальцы — сжатые в кулак на флешке. Она сжимает их сильнее. Потом разжимает. Смотрит на ладонь. Следы ногтей. Четыре полумесяца. Пятый — смазанный.

— Я выйду через запасной выход, — говорит она. — Я сяду в твою машину. Я расскажу тебе, что я знаю. Но ты расскажешь мне всё про отца. И ты не тронешь меня.

— Ты думаешь, я позволю тебе просто уйти? — говорит Костя. — Теперь мы оба в этой яме — и я вытащу нас, даже если придётся утопить тебя.

Ира выключает телефон. Суёт его в карман. Смотрит на дверь. Охранник кашляет. Свет мигает. Она считает. Тридцать. Тень уходит.

Она идёт к двери. Не к той, где охранник. К запасному выходу. Она знает, где он. Она знает, что там не охраняется. Она знает, что там темно и пахнет сыростью. Она знает, что за стоянкой стоит «Газель». Она знает, что сядет в неё. И она понимает: это ловушка.

Запасной выход — тяжёлая железная дверь с табличкой «Аварийный». Она толкает её плечом. Петли скрипят. Снаружи — ночь, мокрая, с редкими фонарями на стоянке. Холодный воздух бьёт в лицо. Она делает шаг, второй — и останавливается.

За стоянкой, в тени тополей, стоит «Газель». Тёмная, с номером на брезенте — 04А. Фары выключены. Двигатель работает — она слышит низкий гул, как дыхание большого зверя.

Ира подходит. Дверца открывается — изнутри, чуть-чуть. Свет из салона падает на асфальт — узкая полоса, жёлтая, как предупреждение.

— Садись, — говорит Костя.

Он сидит за рулём, локти на коленях, голова опущена. В салоне пахнет табаком и кефиром — картонный стаканчик в подстаканнике, тёплый ещё, будто он привёз его с собой.

Ира смотрит на стаканчик. На ободке — след от губ, высохший, белый.

— Ты пьёшь кефир, — говорит она.

— Отец пил, — говорит он. — Я привёз ему в больницу. Он сказал — потом. Не допил.

Ира садится. Дверца захлопывается — тяжело, с металлическим щелчком, как замок в архиве. Она смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Этот запах — кислый, молочный — тянет из детства: бабушка давала ей кефир перед сном.

— Зачем ты привёз его сюда? — говорит она.

— Не знаю. Привычка.

Она молчит. Смотрит через лобовое стекло — на стоянку, на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд, как лампа в коридоре.

— Расскажи про отца, — говорит она.

Костя молчит. Потом трёт лицо ладонью — быстро, резко, будто смывает что-то. Она видит его руки — крупные, с коротко стриженными ногтями. На пальце — тонкая полоска от кольца, светлая, заметная. Он снял его давно, но след остался.

— Он говорил «на связи» всегда. Даже когда не был на смене. Я смеялся. Он звонил мне — «на связи». Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду».

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах. И голос отца — низкий, с хрипотцой, как у давно курящего. «Я сам». Как он сказал это? Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Он не курил, — говорит она. — Ты сказал, он не курил.

— Не курил. Но голос был такой, будто курил. Сорванный. Он говорил — это от ночных смен. От перекрикивания сирен.

Ира молчит. Она слышала этот голос по рации сотни раз. «На связи». Она не знала, как он выглядит. Не знала, что у него есть сын. Не знала, что он возит кефир домой, как талисман.

— Когда ты понял, что это он? — говорит она.

Костя трёт лицо ладонью. Потом говорит:

— Когда его списали. Он сидел дома. Не выходил. Я приносил ему еду. Он не ел. Он сидел у окна и смотрел на улицу. Я думал — пройдёт. Не прошло.

Ира смотрит на свои руки. Пальцы сжаты в кулак на флешке. Она разжимает их. На ладони — следы ногтей. Четыре полумесяца. Пятый — смазанный.

— Он узнал меня? — говорит она.

— Что?

— В ту ночь. Он видел меня. Он знал, что я — диспетчер, которая не передала вызов. Он знал?

Костя молчит. Потом говорит:

— Он не знал. Он не видел тебя. Он видел только аварию. Он остановился, чтобы помочь. Он не знал, кто ты. Он узнал потом. Когда списали. Когда начал разбираться. Он нашёл записи. Он нашёл твой логин. Он знал.

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах. И голос отца — низкий, с хрипотцой. «Я сам». Он знал. Он знал, что она не передала вызов. Он знал, что она — та самая. И он ничего не сделал. Он молчал. Он сидел у окна и смотрел на улицу.

— Он не рассказал полиции, — говорит она.

— Не рассказал.

— Почему?

Костя смотрит на неё. Впервые за всё время — прямо, в глаза. Она видит его лицо — усталое, с тёмными кругами под глазами. Он не спал. Он давно не спал.

— Потому что он сказал, что ты — не виновата. Он сказал, что ты — тоже жертва. Он сказал, что кто-то использовал тебя. Что ты не помнишь. Что ты не знала.

Ира молчит. Она слышит эти слова. «Не виновата». «Жертва». Она не чувствует себя жертвой. Она чувствует себя пустой. Будто кто-то вынул из неё что-то важное — и не вернул.

— Он так сказал? — говорит она.

— Да.

— И ты поверил?

Костя молчит. Потом говорит:

— Я не знаю. Я хочу верить. Но я не знаю.

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах. И голос отца — низкий, с хрипотцой. «Я сам». Он сказал «я сам» — и она не передала вызов. Она слушала, как он говорит «я сам», и она не передала вызов.

— Я хочу понять, — говорит она. — Я хочу понять, что я сделала. И почему.

— Я тоже, — говорит Костя. — Поэтому я здесь.

Он заводит двигатель. «Газель» вздрагивает, потом начинает гудеть ровно и глухо. Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она протягивает руку. Берёт стаканчик. Подносит к губам. Она не пьёт. Просто держит. Чувствует тепло сквозь картон.

— Куда мы едем? — говорит она.

Костя смотрит на неё. Потом — на стаканчик в её руках. Потом — в ветровое стекло.

— Я говорил «пап, ты не на работе». — Он смотрит в ветровое стекло. — Он говорил: «Я всегда на связи. Если что — набери меня. Я приеду». Я звонил ему. Через неделю после похорон. Я набрал его номер. Просто так. Я хотел услышать голос. — Он замолкает. — Там было сообщение. Автоответчик. Он записал его за месяц до смерти. Я не знал. Я слушал его голос — и он говорил «на связи». И я смеялся. Я сидел в машине и смеялся, потому что он был всегда на связи. Даже после того, как его списали. Даже после того, как он умер.

Ира сжимает стаканчик. Картон проминается под пальцами. Кефир тёплый. Она не пьёт. Просто держит.

— Я тоже звонила брату, — говорит она. — После той ночи. Я набирала его номер. Я хотела услышать его голос. Там было сообщение. Он записал его за неделю до аварии. Он говорил: «Я не могу подойти к телефону. Оставьте сообщение после гудка». Я слушала это

сообщение сотни раз. Я сидела в машине и слушала его голос. И я не могла вспомнить, что было в ту ночь. Я не могла вспомнить, что я сделала.

Костя молчит. Потом говорит:

— Мы оба слушаем голоса. Мы оба не можем вспомнить.

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она помнит этот запах. Из детства. Бабушка давала ей стакан кефира перед сном. Она пила его медленно, маленькими глотками. Бабушка сидела рядом и молчала. Она не говорила ничего. Просто сидела. Просто была рядом.

— Твой отец, — говорит Ира. — Он был таким? Сидел рядом и молчал?

Костя смотрит на неё. Потом говорит:

— Да. Он был таким. Он не говорил много. Он просто был рядом. Он приносил кефир. Он говорил «на связи». Он всегда был на связи.

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Тёплый. Она подносит его к губам. Делает глоток. Кислый, молочный, тёплый. Она помнит этот вкус. Из детства. Бабушка. Кефир. Тишина.

— Он был хорошим человеком, — говорит она.

— Да, — говорит Костя. — Он был хорошим человеком.

Она смотрит на неё. Ира смотрит на стаканчик. Потом на свои руки. Потом на Костю.

— Куда мы едем? — говорит она.

Костя смотрит в ветровое стекло. Потом говорит:

— К человеку, который знает, что случилось.

— Кто это?

— Ты знаешь.

Она включает передачу. «Газель» трогается с места. Ира сжимает стаканчик. Кефир тёплый. Она не пьёт больше. Просто держит. Она смотрит на фонарь, который мигает каждые тридцать секунд. Потом — в темноту, в которую они въезжают.

Костя молчит. Ира молчит. Она держит стаканчик. Кефир остывает. Она чувствует это — тепло уходит, картон становится прохладнее. Она сжимает его сильнее. Будто это может что-то удержать. Она смотрит на номер на брезенте. 04А. Она видела этот номер в ту ночь. Она видела его на «Газели». Она видела его на своей магнитоле. Она видела его в файле, который она стёрла. 04А.

— Твой отец ездил на этой машине? — говорит она.

Костя молчит. Потом говорит:

— Да. Это его машина.

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Остывший. Она держит его в руках. Она не пьёт. Просто держит. Будто это святыня. Будто это единственное, что у неё осталось.

— Что мы будем делать, когда найдём этого человека? — говорит она.

Костя смотрит в ветровое стекло. Потом говорит:

— Мы будем задавать вопросы. И мы будем получать ответы.

— А если он не будет отвечать?

Костя молчит. Потом говорит:

— Он будет отвечать.

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Остывший. Она ставит его в подстаканник. Рядом с собой. Она смотрит на него. Потом на Костю. Потом в ветровое стекло. Дорога тёмная, пустая. Фонари мигают. Она считает их. Один. Два. Три. Четыре. Пятый — не мигает. Он горит ровно, как маяк.

— Ты знаешь, что я сделала, — говорит она. — Ты знаешь, что я не передала вызов. Ты знаешь, что твой отец умер из-за меня. И ты всё равно сидишь здесь. Со мной. Зачем?

Костя молчит. Потом говорит:

— Потому что ты — единственная, кто может помочь. И потому что я хочу понять.

— Понять что?

— Почему ты не передала вызов. Почему ты стёрла запись. Почему ты не помнишь.

Ира смотрит на свои руки. Пальцы сжаты в кулак. Она разжимает их. На ладони — следы ногтей. Четыре полумесяца. Пятый — смазанный.

— Я тоже хочу понять, — говорит она. — Я хочу понять, что я сделала. И почему.

Костя смотрит на неё. Потом — в ветровое стекло. Потом — на стаканчик в подстаканнике. Кефир. Остывший.

— Мы поймём, — говорит он. — Мы поймём вместе.

Ира смотрит на стаканчик. Кефир. Остывший. Она помнит этот запах. Из детства. Бабушка. Кефир. Тишина. Она помнит голос отца — низкий, с хрипотцой. «Я сам». Она помнит, как держала трубку и слушала. Она помнит, как не передала вызов. Она помнит, как стёрла запись. Она помнит, как сидела в машине и слушала голос брата. «Оставьте сообщение после гудка». Она слушала это сотни раз. Пока не выучила наизусть. Пока голос не стал тише. Пока не начал стираться. Она не хотела, чтобы он стирался. Она пыталась удержать его. Но он уходил. Как тепло из стаканчика. Как эта ночь. Как всё.

«Газель» выезжает со стоянки. Фонари мигают за окном — один, два, три, четыре, пятый — ровный, как маяк. Ира смотрит на него, пока он не исчезает из виду. Потом смотрит на Костю. Он сидит прямо, обе руки на руле. Пальцы сжаты — она видит, как побелели костяшки. Он держит руль так, будто боится, что тот уйдёт из-под рук.

Дорога тёмная. Редкие фонари. Потом — темнота, и только свет фар выхватывает мокрый асфальт, обочину, кусты. Ира считает столбы. Один. Два. Она сбивается на третьем — в голову лезет число. 00:41. Время, когда она стёрла запись. Она не помнит, как это делала. Но тело помнит — пальцы на клавиатуре, холодок в спине, запах озона от старого монитора. Она зажмуривается. Открывает глаза. Смотрит в боковое окно — там темнота, и в ней ничего нет.

— Сколько ехать? — спрашивает она.

— Двадцать минут. Может, меньше.

— И кто там?

— Увидишь.

Костя поворачивает руль. «Газель» ныряет в проулок — узкий, с облезлыми гаражами по обе стороны. Один фонарь горит, второй мигает, третий — разбит. Осколки на асфальте, они хрустят под колёсами. Ира слышит, как они перемалываются, — сухой, drobный звук, как кости.

— Где мы? — говорит она.

— Это его территория.

— Чья?

— Того, кто знает.

Костя тормозит. «Газель» останавливается перед железными воротами — высокими, ржавыми, с выцветшей табличкой «Склад № 4. Вход воспрещён». Фары выхватывают надпись. Ира читает её дважды. Склад № 4. Она видела этот адрес раньше. В документах, которые она копировала на флешку. В «ноябрь_резерв» — там был список адресов. Склад № 4 стоял четвёртым.

— Почему мы здесь? — говорит она.

— Здесь работает человек, который подделывал документы.

— Откуда ты знаешь?

Костя глушит двигатель. Тишина — резкая, как пощёчина. Слышно только, как шумит ветер в голых ветках тополей. Пахнет сыростью, ржавчиной, чем-то сладковатым — то ли гнилью, то ли химией.

— Я следил за ним, — говорит Костя. — Три месяца. Он выходит с территории в шесть утра, когда смена заканчивается. Он всегда один. Он не разговаривает ни с кем.

— И ты решил, что он виноват?

— Я решил, что он знает.

Костя открывает дверцу. Холодный воздух врывается в салон — вместе с ним звук: металлический лязг, где-то внутри склада, за воротами. Будто кто-то уронил инструмент. Или закрыл крышку ящика. Ира не двигается.

— Ты идёшь? — говорит Костя.

— А если я не пойду?

Он смотрит на неё. Долго. Потом говорит:

— Тогда я пойду один. И ты не узнаешь, что было в ту ночь. Никогда.

Ира смотрит на свои руки. Пальцы на флешке. Она сжимает её. Потом разжимает. Потом открывает дверцу.

Допрос в участке

Скрежет стула — и Ира вздрагивает, пальцы сами находят запястье, трут пустое место, где когда-то были часы.

Анна садится напротив. Серая папка с потёртыми углами ложится между ними. Она не открывает её сразу. Сначала смотрит на Иру. Долго. Спокойно. Как смотрят на чайник, который должен закипеть.

— Ирина Одинцова. Диспетчер скорой помощи, ночная смена. Верно?

— Да, но я уже всё сказала дежурному. Вчера. Восемь раз.

— Вопросов пока нет. Есть факты.

Анна кладёт ладонь на папку. Пальцы короткие, ухоженные, ногти без лака. Она гладит серый картон, будто успокаивает его. Потом поднимает глаза. Тёмные, без бликов. Глаза человека, который не спит уже сутки, но не показывает этого.

— Вы находились на территории архива в нерабочее время. Согласно журналу, доступ был оформлен на имя Станислава Воронцова, стажёра. Но камеры показывают, что в архив заходили вы.

Ира проводит пальцем по шву на куртке. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Считает про себя: раз, два, три. На «четыре» поднимает голову.

— Я забыла пропуск. Стас открыл.

— Стас утверждает, что ушёл домой в двадцать три сорок. Вы вышли из архива в ноль тридцать семь. Сорок семь минут между его уходом и вашим выходом. Что вы делали там одна?

— Искала.

— Что?

— Справку. Для брата.

Анна кивает. Медленно, словно соглашаясь. Потом открывает папку. Внутри — фотография. Края загнуты, снимок матовый, не глянцевый. Ира видит стоянку у больницы. Тёмную, заснеженную. И тёмную «Газель» с номером, который она теперь знает наизусть. Напротив — силуэт женщины в куртке. Она узнаёт себя по тому, как стоит, сутулясь, по тому, как прячет руки в карманы. Рядом с ней — Костя. Прожжённый брезент на плече.

— Узнаёте?

Ира смотрит на фотографию. Пальцы на пуговице — маленькой, шершавой, с острым уголком — крутят её, будто это может помочь.

— Нет.

— Это стоянка у запасного выхода архива. Тот же вечер, что вы были там. Вас подвозят.

— Меня подвозит коллега. По работе.

— Какой коллега?

— Водитель. Скорой.

Анна закрывает папку. Медленно, старательно выравнивая края. Потом поднимает глаза.

— Константин Логинов. Тридцать четыре года. Водитель ритуальной службы. Не скорой.

Ира молчит. Слова путаются, не собираются в предложения. Она знала. Конечно, знала. Но слышать это в кабинете, под лампой, с запахом чужого перегара — другое. Она переводит взгляд на стену. Там висит график дежурств, выцветший, с пятном от кофе. Она считает строчки. Сверху вниз. Снизу вверх.

— Он вас подвозит часто?

— Иногда.

— Иногда — это в ноль тридцать ночи?

— Мы общаемся. По работе.

Анна улыбается. Улыбка короткая, чисто формальная, не касается глаз. Она встаёт, идёт к шкафу у стены. Спinoй к Ире, руками открывает дверцу. Шкаф скрипит, как несмазанная телега. Анна достаёт вторую папку. Толще первой. С белой наклейкой, на которой выцветшие буквы. Ира шурится, пытаясь прочесть. «Логинов К.И.».

— Отец Константина. — Анна кладёт папку на стол. Не открывает. Просто кладёт перед Ирой. — Константин Иванович. Водитель скорой, двадцать три года стажа. Списан два года назад. Формулировка: систематические нарушения.

Ира смотрит на папку. Канцелярский уголок шершавый, потёртый. Она проводит пальцем по краю. Раз. Другой. Потом убирает руку.

— Я не понимаю, при чём здесь я.

— Откройте.

Ира не двигается.

— Откройте, Ирина.

Пальцы не слушаются. Пуговица на куртке — маленькая, шершавая, с острым уголком. Ира крутит её, будто это может помочь. Потом медленно, как под водой, тянет руку к папке. Крышка приподнимается. Внутри — аккуратный, ровный почерк. Записи, даты, номера вызовов. И среди них — выделенная жёлтым маркером строка.

04А. Ночь. Время — совпадает с тем, которое Ира знает наизусть. Под ней — пометка, чернила светлее, словно дописано позже. «Ответ диспетчера: отклонено».

Ира сглатывает. Сухо. Во рту ни слюны, ни слов. Она закрывает папку. Слишком быстро. Крышка хлопает, звук гулкий, как удар по воде.

— Три года назад, — говорит Анна, садясь обратно. — Вызов с кодом 04А. Ваша смена. Запись показывает, что вызов поступил, но ответ был отклонён.

— Я не помню.

— Не помните? Забавно. Потому что Константин Иванович — помнит. Он помнит так хорошо, что написал жалобу. Через неделю после этой ночи. В жалобе указал вашу фамилию. Указал, что диспетчер не передала вызов. Что он выехал сам, по собственной инициативе, когда услышал. Выехал и опоздал на четыре минуты.

Ира смотрит в папку. Буквы расплываются. Она не читает — она уже знает. Она помнит, как сказал Костя. «Отец остановился. Я сказал „не надо“. Он сказал „я сам“». Она помнит, как слушала. Как не передала вызов. Как слышала «я сам» и молчала.

— Я не знала. Я не знала, что он написал жалобу.

— Теперь знаете.

Анна закрывает папку. Аккуратно, с тем же старательным выравниванием краёв. Потом поднимает глаза, смотрит на Иру поверх лампы. Свет бьёт в лицо, заставляет шуриться.

— Вы встречались с Константином. Он вас подвозил. Вы были у архива. Вы сказали мне, что искали справку для брата. А теперь я показываю вам дело его отца, и вы говорите, что не знали даже о жалобе.

Ира молчит. Внутри что-то холодное, липкое. Она смотрит на свои руки. На пальцы, сжатые в кулак. На белые костяшки. Она разжимает пальцы медленно, по одному. Считает. Раз. Два. Три. Четыре. Пять.

— Я не знала о жалобе. Я знала о вызове. Но я не знала, что он написал жалобу. И я не знала, что его списали. Он не говорил.

— Не говорил о том, что его списали? Или не говорил о том, что написал жалобу?

— Ни то, ни другое. Он просто... работал. Я видела его на сменах. Мы общались. Иногда.

Анна откидывается на спинку стула. Стул скрипит — тот же звук, что в начале разговора, но теперь ниже, глуше. Она смотрит на Иру. Долго. Ира не выдерживает первая — опускает глаза. На столе лежит скрепка. Обычная, канцелярская, чуть ржавая у сгиба. Ира берёт её. Крутит между пальцами. Сгибает. Разгибает.

— Вы знали, что отец Константина похоронен на Тихвинском кладбище?

— Нет.

— Знали, что Константин после этого продал свою квартиру и переехал в гараж?

Ира поднимает голову. Скрепка соскальзывает, падает на пол. Она не нагибается.

— В гараж?

— В гаражный комплекс на Ленина. Живёт в боксе. По документам — не зарегистрирован, но соседи по гаражам подтверждают. Ночует там почти каждую ночь.

Ира вспоминает. Прожжённый брезент на плече. Стакан кефира. «Ну, понял». Поворот ключа на щелчок. Она не спрашивала, где он живёт. Не спрашивала, почему у него смена за сменой. Почему он не едет домой. Она думала — дом есть. Думала — жена, дети, обычная жизнь. Она не спрашивала. Он не говорил. Они вообще мало говорили. Просто сидели в машине. Просто слушали, как гудит мотор.

— Зачем вы мне это говорите?

Анна наклоняется вперёд. Лампа бьёт ей в лицо, но она не щурится. Она смотрит на Иру. Тёмные глаза, спокойные, как замерзшая вода.

— Потому что я думаю, что вы знаете больше, чем говорите. Я думаю, что вы знаете, что Константин Логинов ищет дело своего отца. Я думаю, что вы помогли ему. И я думаю, что вы знаете, что было в ту ночь.

— Я не знаю.

— Ира. — Анна впервые называет её по имени. Голос мягче, но от этого не легче. — Вы хороший диспетчер. Я проверяла. За три года — ни одной жалобы, кроме той, от Логинова. Ни одной ошибки. Вы помните каждую ночь, каждую смену. Вы помните каждого, кто звонил. Так говорите мне: что было в ту ночь?

Ира сжимает пальцы на пуговице. Край острый, врежется в подушечку. Она открывает рот. Закрывает. Открывает снова.

— Я не помню. Ну, так получилось. Смена была тяжёлая. — Она замолкает. Потом добавляет, тише: — Я не помню, чтобы был вызов. Не помню, чтобы приходил Логинов. Не помню, чтобы отклоняла что-то.

— Не помните, или не хотите?

— Есть разница?

— Есть. — Анна встаёт. Идёт к окну. Смотрит на улицу. Там темно. Ночь. Город спит. Или не спит. Ира не видит. Она видит только спину Анны. Прямые плечи. Руки, сложенные за спиной. Пальцы, переплетённые в замок. — Если не помните — вы просто устали. Бывает. Если не хотите — вы лжёте. А ложь в этом кабинете — плохая идея.

Ира молчит. Она смотрит на пол. На скрепку, которая упала. Она не нагибается. Она думает о Косте. О том, как он сидит сейчас в машине. Как ждёт.

— Я не лгу.

— Тогда скажите мне, что вы делали в архиве сорок семь минут.

— Искала справку.

— Для брата.

— Да.

— Как зовут брата?

Ира замирает. Секунда. Две. Три. Она смотрит на Анну. Та смотрит на неё. В комнате тихо. Только гудит лампа у двери. Только скрипит стул под Ирой, когда она пересаживается.

— Тиша.

— Тиша — это имя?

— Тимофей. Тиша — это сокращение.

— Сколько ему?

— Семь.

— Семь лет. — Анна кивает. — И он болен?

Ира молчит. Она смотрит на свои колени. На джинсы, вытертые на коленках. Она не помнит, когда пролила кофе на рукав. Наверное, давно. Наверное, в другой жизни.

— Не важно.

— Почему же? Вы сказали — справка для брата. Для семилетнего брата. Справка из архива больницы. Что за справка?

— Медицинская.

— Какая именно?

— О том, что он был госпитализирован.

— Когда?

— Три года назад.

Анна останавливается. Она уже не у окна. Она стоит перед столом. Смотрит на Иру. Тёмно. Спокойно.

— Три года назад. — Она произносит это медленно, пробуя на вкус. — Три года назад ваш брат был госпитализирован. В ту же ночь, когда был вызов 04А. Вы помните вызов, но не помните, что ваш брат был в больнице.

Ира молчит. Она смотрит на скрепку на полу. Она не может сказать. Не может объяснить. Она не помнит, как Тиша попал в больницу. Не помнит, как вызывала скорую. Не помнит, как говорила диспетчеру. Она помнит только Костю. Тёмную «Газель». Поворот ключа. Щелчок. «Я сам».

— Я не помню.

— Ира.

— Я не помню. — Голос срывается. Она кашляет. Потом повторяет, тише: — Я не помню ту ночь. Совсем. Только обрывки. Я знаю, что Тиша был в больнице. Знаю, что он попал туда той ночью. Но я не помню, как это случилось. Не помню, кто его привёз. Не помню, что я делала. Проснулась утром — а он уже в палате. Мне сказали — скорая привезла. Я не знала, что это был... — Она останавливается. Язык не поворачивается. — Я не знала, что это был Логинов. Не знала, что он опоздал. Не знала, что он написал жалобу. Не знала ничего.

Анна смотрит на неё. Долго. Молчит. Потом садится обратно. Открывает папку. Достает лист бумаги. Кладёт перед Ирой.

— Это список вызовов за ту ночь. Ваша смена. Восемнадцать вызовов. Все переданы вовремя. Все приняты. Кроме одного.

Ира смотрит на лист. Буквы расплываются. Она не читает. Она знает. Она видит время. 04А. Ночь. И рядом — её отметка. «Отклонено».

— Я не помню, как отклоняла.

— Но вы помните, что это была за ночь.

Ира молчит. Она помнит. Она помнит, как сидела за пультом. Как горел экран. Как звонил телефон. Она помнит, как взяла трубку. Как услышала голос. Мужской. Хриплый. «Вызов. Адрес...» Она помнит, как смотрела на экран. Как видела код. 04А. Она помнит, как подумала: «Нет. Только не сейчас». Она помнит, как нажала кнопку. «Отклонено». Она помнит, как положила трубку. Как сидела. Как смотрела на экран. Как не могла дышать.

— Я помню, что была смена. Помню, что было много вызовов. Помню, что устала. Очень устала. Может быть, я отклонила его случайно. Может быть, я не заметила. Не знаю.

— Не знаете.

— Не помню.

Анна кивает. Медленно. Потом достаёт из ящика стола маленький предмет. Клаёт на стол между ними.

Ира смотрит. Маленький, чёрный, с тонким проводом. Похож на наушник, но не наушник. Провод обрезан, корпус потёрт. Металлическая клипса, как у зажима для денег. Она

знает, что это. Она видела такие в фильмах, в сериалах, на лекциях о безопасности. Она не хочет знать. Она смотрит на жучок, и внутри всё сжимается, будто кто-то медленно затягивает ремень.

— Знаете, что это?

Ира качает головой. Врать бесполезно. Но она качает. Привычка. Защита. Она смотрит на жучок. Маленький, чёрный, безжалостный. Кто-то слушал. Кто-то знает про архив. Про копии. Про «04A_резерв» на флешке в кармане Иры. Она машинально опускает руку. Проверяет карман. Просто касается ткани. Просто убеждается, что флешка на месте.

Анна ловит это движение. Глаза сужаются. Она ничего не говорит. Но Ира уже знает: она всё видела.

— Это нашли в машине Константина Логинова. Сегодня вечером. Под сиденьем водителя. Установлен недавно. Судя по батарее — не больше двух недель назад.

— Я не знаю, чей это.

— Я тоже не знаю. Но я знаю, что кто-то следит за Константином. И если вы с ним связаны — а вы связаны, Ира, я видела вас вместе — то вы тоже под наблюдением.

Анна смотрит на Иру. Долго. Ира не выдерживает первая — опускает глаза. Смотрит на жучок. Маленький, чёрный, безжалостный. Кто-то слушал. Кто-то знает про архив. Про копии. Про «04A_резерв» на флешке в кармане Иры.

— Я не знаю, — повторяет Ира. Тише. Без уверенности.

Анна медленно качает головой. Потом наклоняется вперёд. Лампа бьёт ей в лицо, но она не щурится. Она смотрит на Иру. Тёмные глаза. Спокойные. Как замерзшая вода.

— Ты ведь знаешь, что я знаю про Костю.

Ира поднимает голову. Анна сидит неподвижно. Она не угрожает. Она просто поставила факт.

— Я не знаю, про что вы говорите.

— Ты знаешь. Ты всё знаешь. Про Костю. Про его отца. Про ту ночь. Про архив. Про копии. Про флешку.

Ира замирает. Флешка. Она лежит в кармане. Тёплая, гладкая, тяжёлая. Ира чувствует её через ткань. Она не смотрит вниз. Не двигается. Только пальцы на пуговице сжимаются крепче.

— Вы обыскали мой карман?

— Не пришлось. Вы сами сказали.

Ира смотрит на свои руки. Они дрожат. Она сжимает их в кулак. Крепко. До белых костяшек.

— Хорошо. — Анна откидывается на спинку стула. — Тогда давайте по-другому. Скажите мне, что вы знаете про Костю. Про то, что он ищет.

Ира молчит. Она смотрит на жучок. На чёрный корпус. На обрезанный провод. Она думает о том, кто мог его поставить. Кто слушал. Кто знает. Она думает о Косте. О флешке. О «04A_резерв».

— Я знаю, что он потерял отца. Знаю, что тот умер. Знаю, что он работал в скорой. Знаю, что его списали. Не знаю, за что. Не знаю, почему. Он не говорил.

— Не говорил?

— Не говорил.

— И вы не спрашивали?

Ира качает головой. Она не спрашивала. Она думала, что это не её дело. Думала, что он сам скажет. Думала, что молчание — это нормально. Она ошиблась.

— Я не спрашивала.

— Почему?

— Потому что... — Ира замолкает. Она не знает, почему не спрашивала. Может быть, боялась. Может быть, думала, что не имеет права. Может быть, просто не хотела знать. — Потому что не моё дело. Он взрослый человек. Если хочет — расскажет.

— А он не рассказал.

— Нет.

Анна кивает. Медленно. Потом достаёт из папки ещё одну фотографию. Кладёт перед Ирой. На ней — мужчина. Лет пятьдесят. Седая борода. Усталые глаза. Он стоит у старой «Газели». Руки в карманах. Смотрит в камеру.

— Константин Иванович Логинов. Отец Константина.

Ира смотрит на фотографию. Она видит Костю. Те же глаза. Тот же разрез. Только старше. Только усталее. Она смотрит на мужчину. На его руки. На его плечи. Она думает о том, что он умер. Что он написал жалобу. Что он опоздал на четыре минуты. Она думает о том, что это из-за неё.

— Зачем вы мне это показываете?

— Потому что вы должны знать, кого вы ищете.

Ира поднимает голову.

— Я никого не ищу.

— Хорошо. — Анна убирает фотографию. Кладёт обратно в папку. Закрывает. Выравнивает края. — Тогда кто ищет вас?

— Я не знаю.

— А если подумать?

Ира трёт запястье. Кожа горячая. Она не останавливается. Она думает. О сменах. О ночах. О Косте. О том, кто мог знать. Кто мог следить. Кто мог поставить жучок. Она не знает.

— Я не знаю.

Анна смотрит на неё. Долго. Потом встаёт. Идёт к двери. Открывает её. Стоит, держа ручку.

— Вы свободны.

Ира не двигается. Она смотрит на Анну. На дверь. На свет в коридоре — тусклый, жёлтый, как в больнице.

— Что?

— Вы свободны. Пока. Но я бы советовала вам быть осторожной. Кто-то следит за Константином. Если вы с ним связаны — вы тоже под наблюдением. И если вы знаете что-то — лучше сказать мне. Сейчас. Потом может быть поздно.

Ира поднимается. Медленно. Ноги не слушаются. Она смотрит на Анну. Анна смотрит на неё. В комнате тихо. Только гудит лампа у двери.

— Я не знаю, что вам сказать.

— Скажите правду.

Ира идёт к двери. Мимо Анны. В коридор. Тусклый свет. Запах хлорки. Кафель под ногами — холодный, скользкий. Она идёт. Не оборачивается. Она думает о том, что должна рассказать Косте. О жучке. О папке. О жалобе. Она думает о том, что не знает, как сказать. Не знает, с чего начать. Не знает, что делать.

Она выходит на улицу. Ночь. Холодно. Машина стоит на стоянке. Тёмная «Газель». Костя сидит за рулём. Смотрит на неё. Она идёт. Медленно. Как под водой. Открывает дверь. Садится. Смотрит на него. Он смотрит на неё.

— Ну? — спрашивает он.

Ира смотрит на свои руки. На пальцы. На запястье. Кожа красная. Она трёт её.

— В машине жучок. Под сиденьем водителя. Она нашла его. Анна.

Костя молчит. Секунда. Две. Три. Потом он медленно кивает. Откидывается на спинку сиденья. Смотрит в лобовое стекло. На стоянку. На фонарь. На свет.

— Овсянников.

Ира смотрит на него.

— Что?

— Овсянников. Старший врач. Он был за старшего в ту ночь. Когда отец... — Он замолкает. Смотрит на свои руки. На пальцы. На ключи. — Он знал. Про жалобу. Про то, что отец написал. Про то, что его списали. Он сказал, чтобы я не лез. Сказал — не твоё дело. Сказал — забудь.

— И ты забыл?

Костя смотрит на неё. Долго. Потом переводит взгляд на зеркало заднего вида. На тёмную стоянку. На пустоту.

— Нет.

Фальшивый адрес

Костя достаёт из бардачка папку. Не картонную, а пластиковую, с зажимом. Кладёт на колени. Не открывает.

Ира смотрит на неё. Потом на него. Потом снова на папку.

— Что это?

— Справка. Из архива. — Он щёлкает зажимом. Внутри один лист, тонкий, в жёлтых пятнах. — Овсянников. Он менял время вызова.

Ира молчит. Трёт запястье. Потом говорит:

— Откуда она у тебя?

— Ключ-карта. От соседа по гаражу. Не важно.

Он протягивает лист. Она не берёт. Тогда он сам разворачивает его. Держит перед ней. Буквы бледные, печатные. «Время получения вызова: 02:14». Ниже приписка от руки, косой почерк. «Исправлено на 02:40. Подпись: Овсянников».

— Это почерк его? — спрашивает она.

— Неважно. Это его подпись. Он изменил время на сорок минут позже.

— Зачем?

Костя убирает лист в папку. Закрывает зажим. Долго смотрит на неё. В машине тепло, но она чувствует, как холод ползёт по шее.

— Отец звонил в диспетчерскую в 02:10. Я помню. Он стоял на обочине. Видел машину. Твою, — он делает паузу. — Он слышал, как ты сказала «вызов отклонён». Потом ты передала его через пятнадцать минут. Но по бумагам вызов поступил в 02:40.

— Я не...

— Я знаю, что ты не хочешь. Но Овсянников подделал время. Чтобы вызов выглядел позже. Чтобы отец не был первым на месте. Понимаешь?

Ира трёт запястье. Красные полосы на коже. Она молчит. Потом говорит:

— Я не понимаю, что ты хочешь от меня.

— Документ. Нужно подбросить ему. В машину.

— Кому?

— Овсянникову. У него сегодня смена. Машина припаркована у участка. Серая «Шкода». — Он кивает на папку. — Положишь под дворник. Или под дверь. Неважно. Главное — чтобы её нашли.

Ира смотрит на папку. Потом на него. Потом на пустую стоянку.

— Я не буду.

— Что?

— Не буду. Это подстава. Это статья. Меня посадят.

Костя молчит. Смотрит на неё. Потом говорит:

— Тебя уже посадили. — Он кивает на её руки. На запястье. На красные полосы. — Ты каждую ночь сидишь. В диспетчерской. Слушаешь чужую боль. Ты уже там.

Ира отводит взгляд. Смотрит в окно. Фонарь мигает. Снег падает. Один, второй, третий день. Она считает. Потом говорит:

— Я не хочу. Мне нельзя.

— Почему?

— У меня брат.

Костя смотрит на неё. Долго. Потом говорит:

— А у меня — отец.

Тишина. Только двигатель работает. Низкий, ровный гул. Ира трёт запястье. Потом останавливается. Кладёт руки на колени. Смотрит вперёд.

— Я не могу. Понимаешь? Не могу. Я и так не сплю. Я и так... — Она замолкает. — Нет. Костя не спорит. Он смотрит на неё. Потом достаёт телефон. Через полминуты она слышит сигнал. Её телефон. Она тянется к нему, но он говорит:

— Не смотри.

— Что это?

— Вспомни ноябрь.

У неё замирают пальцы. Она смотрит на телефон. Экран мигает. Она трёт запястье. Потом спрашивает:

— Откуда у тебя это?

— Ты знаешь, откуда.

— Ты не можешь. Ты не имеешь права.

— У меня есть право. У меня есть право на всё. Ты стёрла запись. Ты передала вызов на сорок минут позже. Из-за тебя мой отец... — Он замолкает. Смотрит на неё. — Ты не хочешь помочь. Хорошо. Тогда я расскажу Анне. Про флешку. Про копию. Про то, что ты стёрла. Она уже подозревает. Ты сама сказала.

Ира смотрит на него. Глаза мокрые, но она не плачет. Она трёт запястье. Потом говорит:

— Ты не сделаешь этого.

— Сделаю.

— Ты... — Она замолкает. Потом говорит тихо: — Ты не сделаешь.

Костя смотрит на неё. Долго. Потом говорит:

— Мне нечего терять.

Он поворачивает ключ зажигания. На полсекунды двигатель глохнет. Потом снова работает. Ира смотрит на его руку. На ключ. На пальцы. Она знает. Она слышала этот щелчок раньше. Не в машине. В рации.

— Это был ты, — говорит она.

— Что?

— 04А. Это был ты. Ты звонил в ту ночь. Ты вызывал скорую.

Костя молчит. Смотрит вперёд. Потом говорит:

— Да.

Ира смотрит на него. Потом на папку. Потом на его руку. На прожжённый брезент на плече. Номер «04А». Она переводит взгляд на его лицо. Он не смотрит на неё.

— Ты был там, — говорит она. — Ты видел.

— Да.

— И ты молчал. Всё это время.

— Да.

Ира смотрит на свои руки. Потом на папку. Потом на него.

— Зачем ты мне всё это говоришь? Зачем? Ты мог просто...

— Я не мог. — Он поворачивается к ней. — Я не мог просто. Я хочу, чтобы ты знала. Я был там. Я слышал, как ты сказала «вызов отклонён». Я видел, как ты вышла из машины. Потом ты ушла. И он остался. Мой отец. Он остался с твоим братом. Он ждал. А ты не передала. — Он замолкает. — Теперь ты понимаешь? Ты должна помочь. Не мне. Ему. Тому, кто остановился. Тому, кто не уехал.

Ира молчит. Трёт запястье. Резко, сильно. Потом останавливается. Смотрит на папку. Потом на него.

— Если я сделаю это. Если я положу это. Ты обещаешь? Ты отпустишь нас. Меня. Тиму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.